

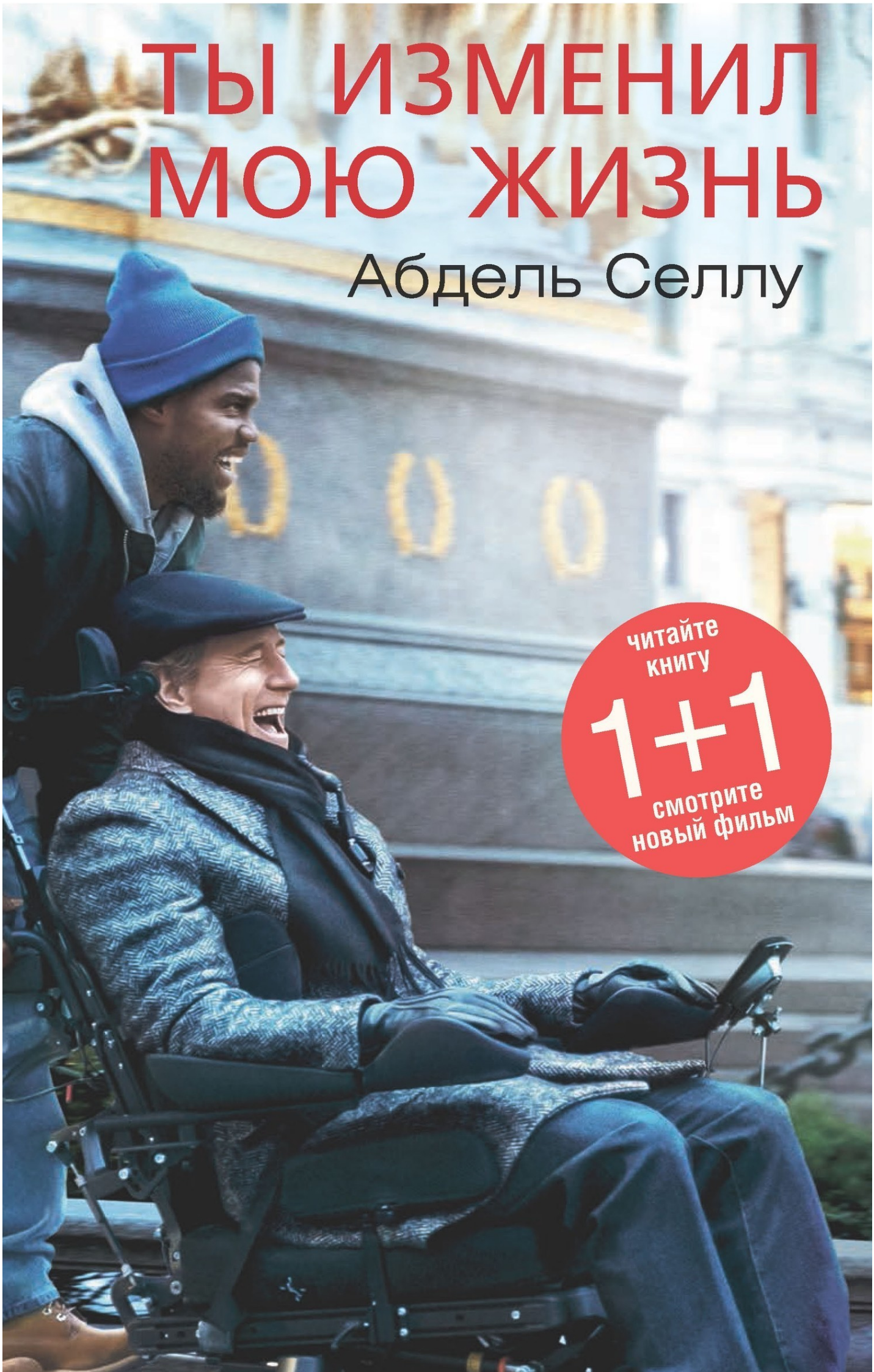
ТЫ ИЗМЕНИЛ МОЮ ЖИЗНЬ

Абдель Селлу

читайте
книгу

1+1

смотрите
новый фильм

Абдель Селлу

Ты изменил мою жизнь

Издательство «Синдбад»

2012

Селлу А.

Ты изменил мою жизнь / А. Селлу — Издательство «Синдбад»,
2012

ISBN 978-5-905891-13-7

Подлинная история главных героев популярнейшего французского фильма «Неприкасаемые» (в российском прокате «1+1»). Это рассказ об удивительной дружбе двух людей, пути которых никогда не должны были пересечься – парализованного французского аристократа и безработного алжирского эмигранта. Но они встретились. И навсегда изменили жизнь друг друга.

ISBN 978-5-905891-13-7

© Селлу А., 2012
© Издательство «Синдбад», 2012

Содержание

Предисловие	5
Вступление	7
Часть I	10
1	10
2	12
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Абдель Селлу

Ты изменил мою жизнь

Предисловие Филиппа Поццо ди Борго

При участии Каролин Андриё

Филиппу Поццо ди Борго

Амаль

Моим детям, которые найдут свой собственный путь

Предисловие

Когда Эрик Толедано и Оливье Накаш писали сценарий фильма «Неприкасаемые» и решили расспросить обо всем Абделя, он ответил: «Поговорите с Поццо, я ему доверяю». Когда я сам писал новую версию «Второго дыхания», решив добавить к нему «Дьявола-хранителя», я просил Абделя напомнить мне подробности некоторых наших приключений, но он и тут отказался.

Абдель не говорит о себе. Он действует. В этом человеке невероятный заряд энергии, душевной щедрости и наглости. Десять лет мы провели с ним бок о бок. Он поддерживал меня, когда мне было особенно трудно. Сначала он помогал ухаживать за моей женой Беатрис, когда она умирала. А после ее смерти Абдель вытащил меня из депрессии – и вернул мне вкус к жизни.

За эти десять лет мы выяснили, что у нас много общего: привычка не оглядываться на прошлое, не строить планов на будущее, а главное – стремление жить настоящим. Или выживать. Страдания, терзавшие меня, убивали любые воспоминания. Абдель не хотел вспоминать о своей юности, в которой, как я догадывался, было много всякого. Мы оба ампутировали свою память.

За все это время я узнал о жизни Абделя очень мало – только то, что он сам рассказывал. Я всегда уважал его желание сохранить тайну. Очень быстро Абдель стал членом моей семьи, но я никогда не встречался с его родителями.

В 2003 году, после передачи «Частная жизнь, публичная жизнь», где мы с Абделем буквально взорвали аудиторию своим нонконформизмом, Мирей Дюма решила снять о нас документальный фильм – «На всю жизнь, до самой смерти»; для этого несколько недель за нами повсюду ходили два журналиста. Абдель ясно дал им понять, что нельзя расспрашивать близких о его прошлом. Однако журналисты не выполнили эту просьбу, и Абдель пришел в ярость. Он не только отказался рассказывать о своей жизни, но и вообще запретил говорить о себе в этом кино.

Правда, в минувшем году все изменилось. Абдель с удивительной откровенностью ответил на вопросы Матье Вадепье, который снимал дополнительные материалы к DVD-изданию фильма *Intouchables*¹. За те три дня, что мы провели у меня дома – в Эссуэйре, в Марокко, – я узнал об Абделе больше, чем за те пятнадцать лет, что мы дружим. Наконец он смог рассказать о себе – о том, как он жил до, во время и после нашей встречи.

¹ *Intouchables* – «Неприкасаемые» (фр.). В России фильм вышел под названием «1+1». – Здесь и далее прим. пер.

Какой большой путь он прошел – от гробового молчания о первых двадцати годах своей жизни до радости, с какой он теперь рассказывает о своих похождениях и делится разными мыслями. Абдель, ты никогда не перестанешь меня удивлять... Читать твою книгу – это было счастье! В каждом слове я узнавал твой юмор, готовность бросить вызов, жажду жизни, доброжелательность, а теперь еще и мудрость.

Итак, ты, как гласит название, утверждаешь, что я изменил твою жизнь... Ты знаешь, в одном я точно уверен – ты мою жизнь действительно изменил. И я снова и снова повторяю: Абдель поддерживал меня после смерти Беатрис, он вернул мне вкус к жизни, взявшись за дело с азартом, упорством и удивительной мудростью сердца.

...Однажды Абдель привез меня в Марокко. Тут он встретил свою будущую супругу Амаль, а я – Хадижу, которая стала моей женой. Теперь мы часто собираемся вместе – семьями, с детьми.

«Неприкасаемые» превратились в «Дядюшек».

Филипп Поццо ди Борго

Вступление

Я был в отличной форме и бежал со всех ног. Погоня началась на улице Гранд-Трюандри²; такого названия даже мне не выдумать. Мы – я и два моих кореша – только что отжали у какого-то пацана плеер «Сони», самый обычный и довольно старый. Я собирался объяснить парню, что вообще-то он должен нам спасибо сказать: ведь папаша теперь подорвется и купит ему новый – звук круче, батарейка дольше, функций больше... Но не успел.

– У нас код двадцать два! – закричал один.

– Стоять! – подхватил второй.

И мы рванули.

Я мчался по улице Пьера Леско, ловко проскакивая между прохожими. Показывал высший класс – как Кэри Грант в фильме «К северу через северо-запад». Или как хорек в детской песенке. Правда, текст пришлось бы изменить: он тут-то пролез, а дальше, может, и застрянет³. Я было ушел направо, на улицу Берже, собираясь смешаться с толпой в «Ле-Аль»⁴, – но обломался: слишком много народа скопилось на главной лестнице. Так что я резко свернул налево, на улицу Бурдонне. Мостовая была мокрая и скользкая, и я не знал, у кого подошвы лучше – у меня или у полицейских. Слава богу, кроссовки меня не подвели. Я был типа Спиди Гонзалес⁵ и мчался на полной скорости, а за мной гнались два злобных кота Сильвестра, чтобы вот-вот меня сцапать. Надеялся, что мне повезет, – ведь мышонку всегда везло.

На набережной Межиссери я нагнал дружбана, который стартовал секундой раньше и бежал лучше, чем я. За ним я бежал по Новому мосту, и расстояние между нами уменьшалось. А крики полицейских стихали вдаль; похоже, те выдохлись. Еще бы – ведь героями-то здесь были мы... И все же я как-то не решился тормознуть и посмотреть, так ли это.

Сам я несся так быстро, что уже почти не мог дышать. Ноги болели, и я не надеялся продержаться в том же темпе до станции «Данфер-Рошро». И тогда я перелез через парапет моста, который не дает прохожим свалиться в воду. Я знал, что по ту сторону окажусь на карнизе шириной в полметра – и этого было вполне достаточно: в ту пору я выглядел довольно стройным. Я сел на корточки и стал смотреть на грязные воды Сены, которые текли в сторону моста Искусств. Ботинки копов громыхали по мостовой все отчетливей. Я затаил дыхание, надеясь, что нарастающий шум плавно удалится и стихнет.

Я вообще не думал о том, что могу упасть. Мне не было страшно. Я не знал, где мои друзья, но не сомневался, что они тоже сумеют спрятаться. Копы промчались мимо, и я тихо закудахтал в воротник свитера⁶.

Вдруг из-под моста выскочил буксир. От неожиданности я едва не свалился вниз. Сидя в укрытии, я пытался отдышаться. Очень хотелось пить.

* * *

На самом деле я вовсе не был героем – и уже тогда понимал это. Мне было пятнадцать лет, и рос я как сорная трава. Если бы мне тогда пришлось рассказывать о себе, подбирать определения, составлять фразы с прилагательными, эпитетами и прочей чепухой, которую нам вбивали в школе, то я бы конкретно завис. И вовсе не потому, что не умел выражать свои мысли

² Гранд-Трюандри (*Grande-Truanderie*) – Большая Воровская (*фр.*).

³ Популярная детская песенка про ловкого хорька, который пробежит и пролезет где угодно.

⁴ «Ле-Аль» (*Les Halles*) – большой торговый комплекс в центре Парижа.

⁵ «Самая быстрая мышь во всей Мексике», персонаж из мультфильмов *Looney Tunes*.

⁶ Во Франции полицейских на уличном жаргоне называют *les poulets* (цыплята).

– поговорить я и тогда был мастак, – но мне пришлось бы остановиться и подумать. Посмотреть в зеркало и помолчать хоть минутку – что мне трудно до сих пор, даже в мои нынешние сорок. А еще мне пришлось бы ждать, пока в голове не заведется мысль – мое собственное мнение обо мне самом. И если бы я был с собой честен, то эта мысль мне не понравилась бы. Ну так и на фига она мне?

Никто не задавал мне таких вопросов – ни дома, ни в школе. Кроме того, у меня был просто звериный нюх. Лишь только кто-нибудь подбирался ко мне с расспросами, как я уже уносил ноги. Я быстро бегал. У меня были отличные ноги и самые веские причины для того, чтобы удирать.

Каждый день я проводил на улице – и каждый день у полиции появлялся повод гоняться за мной. Каждый день я пробегал город из конца в конец, квартал за кварталом – мой личный парк развлечений, в котором дозволялось все. Взять все так, чтобы не взяли тебя; вот цель игры.

На самом-то деле мне ничего не было нужно. Но я хотел все. Ходил по улицам, словно между полками огромного супермаркета с бесплатными товарами. Ничего не знал о принятых тут правилах. Сначала, пока я еще соглашался слушать, никто мне о них не рассказывал – а потом я уже и не слушал. Никого.

И хорошо же мне было!

* * *

В октябре 1997 года меня сбил грузовик. Перелом бедра, левая нога раздроблена, тяжелая операция и несколько долгих недель на реабилитацию в Гарше⁷. Я перестал бегать и начал толстеть.

За три года до этого я познакомился с человеком, который на всю жизнь оказался в инвалидной коляске после неудачного полета на парашуте. Его звали Филипп Поццо ди Борго. Некоторое время мы были в равном положении – оба инвалиды. В детстве и юности, услышав это слово⁸, я представлял себе только станцию метро да широкую эспланаду, где только тырь да поглядывай, не покажется ли где полицейский. Отличная песочница для моей игры.

Теперь с играми было покончено – по крайней мере на некоторое время. А Поццо, с парализованными руками и ногами, лишился этого навсегда.

Через год о нас с ним сняли удивительный фильм «Неприкасаемые» – и тут все вдруг захотели прикоснуться к нам! В этом фильме даже я – потрясающий, клевый пацан. У меня идеально ровные зубы, я все время улыбаюсь или смеюсь и самоотверженно ухаживаю за чуваком в инвалидном кресле. И к тому же танцую как бог.

То, что два героя «Неприкасаемых» делают в фильме – гонки на шикарной машине, полет на парашуте, ночные прогулки по Парижу, – все это было на самом деле. Но это даже не два процента того, что мы вытворяли. И при этом я так мало сделал для Филиппа – гораздо меньше, чем он для меня. Я возил его кресло, повсюду сопровождал, старался облегчить его страдания. Просто был рядом.

До той поры я никогда не видел такого богатого человека. Филипп – потомок старинного дворянского рода, да он и сам преуспел в жизни. У него куча степеней, он – бывший глава фирмы, производящей шампанское «Поммери». Я просто использовал его. Он изменил мою жизнь. А я его – нет. Или очень ненамного. В фильме все приукрашено, чтобы зрителю было легче погрузиться в мечты.

⁷ Пригород Парижа.

⁸ *Invalides* – одна из станций парижского метро; Дом Инвалидов – военно-исторический музей, окруженный большой эспланадой.

* * *

Да, должен сразу сказать: я не очень-то похож на того парня в фильме. Я – араб, ростом мал, по жизни груб. За свою жизнь я совершил много дрянных поступков, и тут оправдаться мне нечем. Да и не собираюсь.

Зато теперь я могу об этом рассказать. Срок давности вышел.

У меня нет ничего общего с настоящими неприкасаемыми – с индийцами, которые обречены влачить жалкое существование. Моя каста могла бы называться «неуправляемые», и я – ее бесспорный лидер по натуре: независимый, бунтарь, восстающий против любых ограничений, порядка и морали. Это не попытки оправдать себя. И не повод для гордости.

Но кто угодно может измениться. Доказательства, как говорится, налицо.

Однажды я снова шел по Новому мосту. Погода была такая же, как в тот день, когда я удираю от полиции: мелкий моросящий дождь, отвратительный, пробирающий до костей. Дождь лил мне на лысину, холодный ветер забирался под куртку.

Новый мост казался мне великолепным. Две его части соединяют остров Ситэ с Большим Парижем. Я был впечатлен его размерами, шириной (почти тридцать метров), просторными тротуарами, полукруглыми площадками – откуда можно любоваться видом... не подвергая себя опасности. Ха.

Я перегнулся через парапет. Сена неслась под мостом, как лошадь, пущенная в галоп. Вода была того же цвета, что и предгрозовое небо; казалось, она поглотит и утянет на дно все, что в нее упадет.

Тогда, давно, я был мальчишкой и не знал, что такое течение не победить даже опытному пловцу. И я не знал, что ровно за десять лет до моего рождения благонамеренные французы сбросили в Сену десятки алжирцев – прекрасно зная, как опасна река в этом месте.

Я посмотрел на каменный карниз, на котором прятался когда-то от копов, – и вздрогнул. Сегодня я бы на такое не решился. И слава богу, что теперь мне больше не нужно прятаться и убегать.

Часть I

Без тормозов

1

Не помню того алжирского города, в котором родился. Забыл его запахи, краски и звуки. Помню только, что когда в 1975 году оказался в Париже – мне было четыре, – я почувствовал себя здесь как дома. Родители сказали:

– Вот твой дядя Белькасим. А это твоя тетя Амина. Теперь ты их сын. Оставайся здесь.

На кухне их крошечной двухкомнатной квартиры пахло кускусом и специями – так же, как дома. Правда, вышло тесновато: вместе со мной во Францию привезли и моего брата – старшего, но всего на год. Сестра, которая была старше нас обоих, осталась в Алжире. От девочек дома больше пользы, их не отдают. Сестра поможет матери заботиться о двух малышах, которые родились после меня. У семьи Селлу в Алжире останется трое детей, и этого более чем достаточно.

Началась новая жизнь. И вот первая новость: моя мама – больше не моя мама. Я не должен ее так называть. Даже в мыслях. Теперь моей матерью будет Амина. Она так счастлива, что у нее вдруг появились два сына. Амина давно потеряла надежду завести детей. Она гладит нас по голове, сажает на колени, целует пальцы, клянется, что будет очень любить. Но мы понятия не имеем, о чем это она говорит. Нам всегда было где жить и что есть, о нас заботились, а если мы болели, то с нами сидели рядом по ночам – и в этом не было ничего особенного, обычное дело. Я решил, что здесь все будет так же.

Вторая новость: больше никакого Алжира. Теперь мы будем жить в Париже, на бульваре Сен-Мишель, в центре французской столицы. Здесь мы, как и дома, сможем играть на улице. Правда, тут холоднее, чем в Алжире. Чем это пахнет? Интересно, солнце здесь такое же жаркое, как в нашем родном городе? И машины сигналият так же отчаянно?

Мы с братом отправляемся на разведку. В крошечном парке музея Клюни я замечаю нечто странное: дети тут разговаривают не так, как мы. Мой неуклюжий братец ходит за мной как привязанный, словно боится их. Дядя, наш новый отец, успокаивает нас на нашем родном языке. Он говорит, что мы быстро выучим французский в школе. Наши портфели уже собраны.

– Дети, завтра встаем с петухами. Но это не повод засыпать с курами! Тем более что у нас куры спать не ложатся. У нас тут вообще нет кур.

– У нас? А где это у нас? В Алжире?

– Во всяком случае, там они точно ложатся позже, чем на французской ферме!

– Дядя, а что с нами теперь будет? Кто мы теперь?

– Вы – алжирские цыплята на французской ферме!

И третья новость: мы будем расти в другой стране, будем учить ее язык – но навсегда останемся теми, кем родились. Все это слишком сложно для нас, и я уже ничего не соображаю. Брат обхватывает голову руками и прячется, сжавшись в комочек, у меня за спиной. Как он меня бесит!.. Я не знаю, на что похожа французская школа, но у меня уже есть девиз – отныне и на долгие годы: «Упрямся – разберемся».

Куры, петухи... Я и представить не мог, какой переполох подниму на этом птичьем дворе. Но я не хотел делать ничего плохого. На свете не было ребенка невиннее меня. Не будь я мусульманином, над головой у меня сиял бы нимб.

На дворе стоял 1975 год. По бульвару Сен-Мишель катили «рено альпина», «пежо 304», малолитражки «ситроен-две лошадки». «Рено 12» уже казались старомодными, и если бы

спросили меня, я бы выбрал «Рено 4L» – просто и без выпендрежа. В то время ребенок мог спокойно перейти через дорогу, и полицейский из отдела по работе с несовершеннолетними не волок его в ближайшую опеку. Город, улицы и свобода еще не считались опасными. Иногда по пути вам попадался какой-нибудь пьянчужка, но на него никто не обращал внимания: если он ведет такой образ жизни – ну, значит, это его устраивает. Никто не мучился от чувства вины, а парой сантимов с ним мог поделиться даже тот, у кого почти не было денег.

В гостиной, которая после нашего с братом приезда стала для новоиспеченных родителей еще и спальней, мы сидели как падишахи в расклешенных джинсах и рубашках с длинными воротниками. На экране черно-белого телевизора невысокий, лысый и щуплый человек снова трясся от злости, в который раз упустив Фантомаса. Иногда человечек танцевал на улице Розье, переодевшись раввином⁹. Я понятия не имел, кто такой раввин и что в нем самом должно быть такого смешного, но это не мешало мне наслаждаться фильмом. Наши новые родители смотрели, как мы хохочем до упаду, и это веселило их куда больше, чем ужимки и гримасы Луи де Фюнеса.

В то же самое время Жан-Поль Бельмондо бегал по крышам в белом костюме, считая себя неотразимым. А я считал его лохом. Куда больше мне нравился Шон Коннери и его серый свитер. Вот уж кто никогда не оставался побежденным! В последний момент Шон доставал из карманов какие-то обалденные приспособления и без лишнего шума делал всех, как детей.

У настоящего шика было имя: Джеймс Бонд. И шик этот был родом из Англии. Валяясь на тахте, я наслаждался каждой минутой, не торопя следующую и не вспоминая о предыдущей. Я жил предельно простой жизнью.

* * *

В Париже меня звали так же, как и в Алжире, – Абдель Ямин. «Абд» по-арабски означает «почитать, уважать», «эль» – это артикль. Все вместе: «Почитай Ямина». Я жевал финики, Амина убирала косточки.

⁹ Абдель имеет в виду французского актера Луи де Фюнеса, сыгравшего комиссара Жюва в фильмах о Фантомасе, а также его роль в фильме «Приключения раввина Якова».

2

Отдать своих детей бездетным брату или сестре – довольно распространенная практика у африканских народов, живущих как в глубине континента, так и на севере. У каждого ребенка, разумеется, есть настоящие отец и мать, но он быстро становится чадом всей семьи, а семьи там очень большие.

Отдавая кому-то сына или дочь, родители даже не задумываются, а каково будет самому ребенку. И взрослые, и дети считают, что сменить родителей – это просто и естественно. Нет повода для споров или слез. Африканцы обрезают пуповину раньше европейцев. Едва научившись ходить, мы переступаем порог родного дома, чтобы посмотреть, что творится вокруг. Перестаем держаться за материнскую юбку...

Вместе с нами в комплекте шли пара-другая трусов да маек – и никаких инструкций. Как воспитывать ребенка, как с ним говорить, что разрешать, а что запрещать? Белькасим и Амина понятия обо всем этом не имели. И они просто стали делать то же, что и другие французские родители.

Чем занимались парижане в семидесятые годы по воскресеньям – да и сейчас тоже? Гуляли в саду Тюильри. Вот так и я, когда мне было пять лет, перешел Сену по мосту Искусств и оказался у фонтана с мутной водой. Несколько карпов вяло шевелили плавниками в луже глубиной в полметра. Я видел, как они поднимались, раскрывали рты, чтобы глотнуть воздуха, и снова опускались на дно. Мы брали напрокат игрушечный парусник. Подталкивая кораблик шестом, я заставлял его выплыть на середину. Если дул попутный ветер, парусник всего за несколько секунд мог достичь противоположного берега. Я бежал туда, разворачивал кораблик и снова отправлял в плавание. Время от времени я поднимал голову и с изумлением смотрел на огромную каменную арку у входа в сад.

– Папа, что это?

– Э-э... Старинные ворота.

Абсолютно бесполезные ворота, потому что по обе стороны от них не было стен. В глубине сада я видел огромные здания.

– Папа, а это что?

– Сынок, это Лувр.

И больше никаких сведений: «Лувр», и всё. Я думал, что, наверное, нужно быть очень богатым, чтобы жить в таком большом и красивом доме, с высокими окнами и статуями. Парк Тюильри был больше, чем все вместе взятые стадионы Африки. Десятки каменных человеческих фигур, стоявших вдоль аллей и на лужайках, смотрели на нас со своих пьедесталов – все в плащах, у всех волосы длинные и кудрявые. Я задумывался, давно ли они тут торчат, – а потом возвращался к своим занятиям.

Если ветра не было, парусник застревал посреди фонтана. Приходилось уговаривать других капитанов, чтобы они подняли волну, которая спасет мой кораблик. Иногда все это заканчивалось тем, что Белькасим закатывал штанины и лез в фонтан.

В хорошую погоду Амина иногда собирала большую корзину для пикника, и мы обедали на лужайке Марсова поля. Родители лежали на одеялах, дети собирались в стайки и гоняли мяч. Сначала мне не хватало словарного запаса и на меня не обращали внимания. Я был очень послушным и вежливым. Ничем, кроме внешности, я не отличался от маленьких французов в бархатных штанишках на лямках. Как и они, я возвращался домой, валясь с ног от усталости. Правда, нам с братом никто не запрещал смотреть «воскресный фильм», который показывали вечером по телевизору. Если шел вестерн, мы держались дольше, но все равно почти никогда не дотягивали до конца.

Одного за другим Белькасим переносил нас на руках в кровать. Любить и заботиться можно и без инструкции.

* * *

В Алжире мой отец ходил на работу в полотняных брюках и куртке. Под ней – форменная рубашка и галстук, и каждый вечер он чистил свои кожаные ботинки. Я догадывался, что у него не очень грязная профессия и занимается он скорее всего умственным трудом. Я не знал точно, где и кем он работает; да и не особенно задумывался. На самом деле мне было все равно.

В Париже мой новый отец каждое утро натягивал синий комбинезон и надевал на свою лысую голову кепку. Он был электриком и никогда не знал, что такое безработица. Ему всегда было чем заняться, и Белькасим очень уставал, но не жаловался и просто шел на работу.

Моя новая мама, так же как и алжирская, сидела дома, готовила обед, убирала квартиру. Теоретически она еще должна была заниматься детьми. Но Амина никогда не жила в настоящей французской семье и поэтому не до конца понимала, что это значит. Поэтому она решила поступать так, как принято у нее на родине, – готовила нам вкусную еду и никогда не запирала дверь.

Я не спрашивал разрешения выйти из дома, а ей и в голову не приходило поинтересоваться, куда я иду. У арабов любой человек пользуется свободой безо всяких ограничений.

3

В нашем новом районе стояла статуя. Точно такая, как в Нью-Йорке, – я ее видел по телевизору. Наша, конечно, была меньше, но мне, шестилетнему, она казалась просто огромной. Каменная женщина в простой накидке держала в поднятой руке факел, а на голове у нее был странный венец из колючек. Мы переехали в XV округ и забыли тесную квартирку и старый Париж, который казался мне таким скучным. Теперь мы живем в новом районе Богренель – районе, оштетинившемся небоскребами, как в Америке!

Семейство Селлу получило квартиру на втором этаже семиэтажного дома из красного кирпича – его еще называют «парижским камнем». Лифта в доме нет. Жизнь тут такая же, как в любом пригороде – Сен-Дени, Монфермей или Кретьей. Единственное отличие в том, что из наших окон – видна Эйфелева башня.

Теперь я парень из предместий. Рядом построили огромный торговый центр, со всем, что полагается внутри, – заходи и бери. Я уверен в том, что весь мир занят только тем, чтобы украсить мою жизнь.

* * *

У кассы в магазине «Призюник» прямо перед моим носом висят яркие пакеты, а рядом на полках разложены всевозможные игрушки и сладости. Я обожаю конфеты «Пец» в коробочках-дозаторах с забавными пластмассовыми фигурками. Нажимаешь на кнопку, и конфетка выпадает на ладонь. Я быстро собрал большую коллекцию. По вечерам я выстраиваю на столе коробочки с фигурками героев любимых мультфильмов. Мой брат, который вечно во все лезет, спрашивает:

- Абдель, откуда у тебя фигурка из «Братьев Гавс»¹⁰?
- Мне подарили.
- Неправда.
- Заткнись или получишь.

Брат замолкает.

Еще мне очень нравятся корабли, подводные лодки и маленькие машинки, которыми можно играть в ванне. Сбоку у них ручка, внутри механизм, заводишь – и пошла машинка. Много раз в магазине я набивал целые сумки этими игрушками и просто уносил их. Я входил в магазин как любой человек, собравшийся за покупками, брал пакет, выбирал то, что мне нравилось, и уходил.

Но в один прекрасный день выяснилось, что я кое-что упустил. Я прошел мимо кассы прямо на глазах у директора магазина.

- У тебя есть деньги? – спросил он.
- Деньги? Зачем это?
- Чтобы оплатить то, что ты взял!
- Что я взял? Вот это? А разве это за деньги? Откуда мне было знать! И вообще, ну-ка отпустите меня, мне больно!
- Где твоя мать?
- Не знаю! Дома, наверное.
- А где ты живешь?
- Не знаю, где-то живу...
- Отлично. Раз ты так себя ведешь, я отведу тебя в участок.

¹⁰ Братья Гавс – персонажи диснеевского мультсериала «Утиные истории».

Вот тут я, честно говоря, вообще перестал его понимать. Мне показалось, что он хочет отвести меня на почту¹¹. Я знал, что такое почта – я много раз был там с Аминой. На почте можно купить марки или позвонить из телефонной кабины родственникам в Алжир. При чем тут конфеты «Пец»? А, я понял! На почте еще выдают деньги! Нужно сунуть в окошко листок с цифрами и подписью, а кассирша даст тебе несколько стофранковых купюр. Я поднимаю голову и смотрю на директора, который крепко держит меня за руку – и больно-то как.

– Нам незачем идти на почту, уверяю вас! Я не смогу заплатить, потому что у меня нет листка с цифрами.

Директор с недоумением смотрит на меня. Похоже, он ничего не понял.

– Ты вообще чего несешь? Ну да ладно, в полиции разберутся.

Да он просто идиот! На почте нет полицейских. А хоть бы и были – не думаю, что они станут платить за мои конфеты.

Наконец мы входим в какое-то серое помещение. Это совсем не похоже на почту. Вдоль стен на стульях сидят люди. За письменным столом какой-то человек в синей форме, он смотрит на нас. Даже не поздоровавшись, директор магазина начинает вопить:

– Я поймал этого воришку с полочным у себя в магазине! Схватил на месте преступления!

На месте преступления! Кажется, он смотрел слишком много фильмов про комиссара Коломбо. Я склоняю голову набок и стараюсь походить на цыпленка Калимеро¹², когда он проносит свою коронную фразу: «Разве это шпранедливо? Это шлишком нешпранедливо!»

– Полюбуйтесь! – Директор вываливает мою добычу на стол перед полицейским. – Целый пакет! И я готов поклясться, что это не в первый раз!

Полицейский пытается от него отделаться:

– Очень хорошо. Оставьте его нам, мы разберемся.

– Да, но проследите, чтобы он был хорошенько наказан! Пусть это послужит ему уроком! Я не хочу, чтобы он снова таскался ко мне в магазин!

– Я вам уже сказал, что мы разберемся.

Наконец директор уходит. Я стою перед полицейским и уже не притворяюсь несчастной жертвой. На самом деле все это меня развлекает. Я не боюсь, да и чего мне бояться? В магазине прямо у меня перед носом лежали сладости. И, разумеется, я их взял! Я наивный и доверчивый, я думал, что они лежат там как раз для этого – ириски «Карамбар», жевательный мармелад «Клубника Тагада», «Пец» с фигурками Микки-Мауса, робота Грендайзера и космического пирата капитана Харлока...

¹¹ *Le poste* – участок, *la poste* – почта.

¹² Цыпленок Калимеро – персонаж итальянского мультфильма. Постоянно выступает в роли жертвы несправедливости и шепелявит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.